

Н. Крути. Артем Веселый // Мелодия
свардиз. 1925. ш1.

И. Крути

Артем Веселый

1.

„Шумели, плескались реки огненные. Шумела сила тяговая. Дымилась сердца космагы. Цвела земля волнами гудливыми. Забрало язычок... В те разы да ежели бы на все вожжи пусгачь. Нискрозь бы весь белый свет прошли. Табунами пожаров моря сожгли бы, горы посрывали“. („Реки огненные“—„Перевал“ № 1).

„Зачем умирать? Умирать не хитро. Жить надо да радоваться. Погляди, што кругом робится...“ („Вольница“—„Лэф“ № 1—5).

И Артем Веселый „глядит“, не наглядится на все, „што кругом робится“ на советской земле—и в те месяцы, когда революционная буря играет свой вихревой танец, и в те дни, когда „реки огненные“ выходят из берегов, и вольная „вольница“ празднует свой неумный разгул, и в те годы, когда на смену героическому энтузиазму пришли уравновешенность труда и расчет хозяйственной целесообразности. А. Веселый умеет узнавать революцию, находить ее движущие силы, обнаруживать ее власть и законы не только в жергвенном и героическом, но и в гулянке матросской братвы, и в бесчинствах деклассированного повстанца. Ибо за всем, во всем, надо всем стоит у него революция, ее стремительность, горячность, конечная справедливость, неповторимая героичность и железная закономерность.

В „Реках огненных“ Ванька-Граммoфон и Мишка-Крокодил,—которых „хоть в рясы одень, а по размашистым ухваткам, да увесистой сочной ругани сразу флотских признаешь“,—„пять годков в морюшке не полоскались—стосковались люго“ и решили вернуться к флотской службе. Но так как „насчет разных там эксов, шамовки, какой ни на есть спекуляции, Мишка с Ванькой первые хватгы“, то ясно, что „жизня кораблиная“ им теперь не по вкусу. „Корявая жизнь: ячейки разные одолели. Школы. Ккие то культкомиссии. Закружили кружки. Што ни день, што ни час, как из провы—собрания, заседания, лекции, доклады“. Не вытерпела братва. „Как мы есть сознательный элемент, товарищ комиссар, просим от разной политики ослобонить“. И в результате избили комиссара. Ну, а потом—„гром упал“. „Подходящее житьишко вдребезги“. „Вылезла комиссия по чистке от элементов. И сразу, не говоря худого слова, Мишку за же“. „На другое утро, раздетые и разутые, с тощими мешками на горбах, уходили Мишка с Ванькой“.

Два периода революции, две ее стихии сталкивает Веселый в „Реках огненных“ лицом к лицу. Темную, неосознанную, авантюрную, иногда искреннюю службу революции деклассированных гражданской войной Граммoфонов и Крокодилов ставит он рядом с сознательной, трудной, упорной учебной комсомола, брошенного тою же революцией на воссоздание красного флота.

„Солнце на ногах. Команда на ногах. Верхом на корабле. В перегоньшики швабры, метелки, голки. Плещется песок, опилки. Веселое море опрокидывается на палубу, заливая кубрик“. „Крик дождем. Руг градом. Работа ливнем.

Давай! Давай!..

Солнце горячими крыльями бьется в мокрую палубу, щекочет грязные пятки, смехом кувиркается в надранной до жару медной арматуре, поручнях. Руки ребячьи, а хваткие—артельные. Глаза—паруса, налитые ветрами. Глотка у Федотыча луженая:

Жаво, молодчики!

Бегай! Бегай!..

Е-ей, поторапливайся!..

О родной ему комсе Веселый рассказывает, захлебываясь, горячо, с восторгом, с бодростью и верой подлинного сына Октября в протетарское дело. Но и „отличительных ребят“—Ваньку и Мишку, их оригинальный жаргон, их „военморскую робу“, их растерянную тоску по морю, их в преступлении почти детскую непосредственность он описывает не менее любовно, до деталей вникая в мелочи темного и пьяного быта, в изломанную и путанную кривую их исковерканной психологии. Веселый знает, что за бесшабашной дерзостью и бездумной беззаветностью этих объективно-героических фигур кроется зачастую глубокая революционность, и на обнаружение этой последней устремлено его творческое внимание. В „Реках огненных“ дан финал непутевой жизни братвы, и только далекими отблесками маячат недавние подвиги этих, по предопределению истории, „героев на час“. Зато в „Вольнице“ уже охватчен момент расцвета этих буйных сил, их игра, их революционная сущность.

„Станичник Авдоким Гулько, как делегат за оружием“, приезжает в город, где встречает старого приятеля—матроса Ваську Галагана. „В совет здешний—по высокомерному выражению Галагана—всякая сволота понабилась: и большевики и меньшевики, и кадеты и эстервы“.—„Оружия тебе, солдат, не достать,“—авторитетно заключает он.

„Васек, товарищ подсердечный. За что мы скомлели, терхались? Долой золотую шкурку. И зачем нам кисла меньшевица власть? В контрах вся Кубань—грицать тысяч казаков. Што тут делать? И как тут быть?

Успокой ты свое солдатское сердце, Христа ради.

Будь уверен.

Оружья мы тебе доставем“.

И Васька Галаган сдерживает свое слово, достает оружие. Через 5 лет он, в образе Ваньки Граммфона, взгрустнет о „семинадцатом, восемнадцатом годочке“ и придет к выводу, что „старая слобода была в тыщу раз лучше ихней новой политики“. Но сейчас он, смакующий „пьянку-гулянку“, он, бахвалящийся тем, что „все у мертвых отнято“, ибо „зачем мертвому портсигар в семь каратов“, он—этот Васька Галаган, по его же образному выражению, сознает, что все дело в том, что „тут, браток, особый винт-упора“. Вот этот-то „винт-упора“ обнажает Веселый своим творчеством. Этот „упор“ имеет, по произведению нашего автора, своим фундаментом и прошлую, тяжелую, голодную беспросветную жизнь и—перво-на-перво—кровную, ясно-осознанную глубокую связь крестьянина с пролетариатом и враждебность обоих к своим и иноземным классовым врагам:

„Абращка, дай свою черствую руку... И рассознательный-жа у вас в дене пролетарият—ох... Законный пролетарьят—из рабочава строю. Глаза страшат—руки делают. Руки не достанут—ребрами берете. Это так. Это не нашему. Шутка ли? В неделю два бронепоезда сгрохали“.

Это ничего, что Васька Галаган пьян. Ведь, до сих пор он в кочегарке—„эх, в бога, господу мать пять годиков“, „отчугучил“ и только „теперь свет увидал. Али и теперь не погулять? Первый праздник в жизни“. Но и пьяный он—

„вывел Васька гостечка дорогого через стеклянную дверь на тераску. Вывел да и показывает:

Вон немцы в Крыму.

Вон Украина, — страна хлебородная.

Всю ее покорили стержовы.

А

флот наш сюда отсунули

Немцы?

Немцы.

Авдоша, немцы, хлесть пху мать. Шлем блем лаешь флот по Брест-Литовскому. Шалшиь. Раенустили миджмок—сюда уплнтывали. Выпьем вино до последнего ведра—дальше поедем, разгромим все берега и с честью умрем“.

Поэтому, когда Васька „на стол влез ревом“ и „начался тут митинг со слезами и с музыкой“—„ночью же прямо из горсада—на вокзал добровольческий отряд“.

„Васьки Галагана партизанский отряд в 300 голов“ с оружием и пулеметами отправился бить кубанскую „контру“.

2.

„Подполье. Норы. Товарищи. Удачи. Провалы. Гремучим сверкающим колесом.

Прожилки часов искрой переливаются. Горячка дел. Комитет стогаз столпа.

В городе мобилизация.

Пару своих ребят на приемочный. Сагитировать. Нарахать. Увести в горы“.

В тупике вагон патрон.

Разгрузить. Перебросить в свой отряд.

Нужны денежки:

Собрать копейки у грузчиков и цементиков. Налет на квартиру полковника: за границу собирается. Золото.

Верное дело. Крой!

Волеенья в ардывизионе.

Связаться. Организовать. Ночью офицеров к ногтю. Дивизион в горы.

(„Дикое сердце“—„Красная новь“ № 1).

Артем Веселый не знает статистики событий. Он весь в движении, в порыве, в горении, в сотне переплетающихся дел, в тысяче забот. Он слышит ход революции и чувствует ее бурный темп. Не напрасно „Реки огненные“ носят подзаголовок—„Зыбь“,—„Вольница“,—„Буй“, а „Дикое сердце“—„Ветробой“. Для Веселого важен не сам по себе занимательный факт и его пересказ. Воссоздать ритм событий, найти последним место в общем ходе революции, раскрыть движущие их социальные и индивидуальные силы—вот триединая и основная тема Веселого. Отсюда скупость его сюжетов (повстанец-казак приезжает за оружием—„Вольница“; бывшие матросы делают попытку вернуться во флот—„Реки огненные“; любовь повстанца и комиссарши—„Дикое сердце“); несложность их развития, и отсюда же сосредоточенное устремление оформить словесным материалом всю гамму переживаний, всю пестроту событий, всю сложность друг на друга громоздящихся фактов, всю бездумную героичность великой эпохи.

Стиль Артема Веселого отрывист и лихорадочен. Его фраза коротка и ударна. Цветистый эпитет ему чужд и враждебен. Из знаков препинания он признает твердую, четкую „точку“ и скромную „запятую“

и только изредка прибегает к патетическому восклицательному знаку. Он не любит описывать и расписывать.

„Бухту заметает гуд. Сопя и фыркая, ползают букспры. Снуют юркне ялики“ („Реки огненные“).

„А про берег думать забудь. Об зазнобах, об свате, об матери родной. К кораблю льни. Его—батошку холи (там же).

„Струменту нет. Материалу нет. Денег нет. Хлеба малыжного полфунта в день... В трюмах вода. В рулевом вода. В кочегарке вола“... (там же).

„Все дела в одно кольцо вводи: бей буржуев. Бей, душа с них вон. Все наше. Голова мы. Когти мы. Беломордые? Шо нам беломордые. Сла наша. Всех потопчем. Всех порвем. Простонародная революция („Вольница“).

Так внешне холоден Веселый почти всегда и всюду. Но за этой, будто однотонностью, бурлит темперамент бойца. Из-за этих колющих фраз потоком рвется лавина событий, и слышен гулкий топот ног, идущих на отчаянный бой со своим классовым врагом:

„Все прошли с боем, с огнем. Гайдамаков били. Раду били. Под Белгородом Корнила шарахнули. С Калединым цапались. С татарами в Крыму дрались. Офицеров топили в пучине морской. Раз офицер—фактический контрник.

Бей с тычка.

Бей с навесу.

Бей наотмашь.

Хрули гадов.

Не давай курвам пощады ни

на.....волос“.

(„Вольница“).

„Гайдамаков в штаны

Буржуй? Душа с тебя вон

Петлюру в петлю

На Оренбург бурей

По Заказанью грозой

Волгой волком

Урал на ура

Ураган на рога“.

(„Реки огненные“).

Можно, пожалуй, упрекнуть Веселого в некоторой утомляющей манерности чисто графического построения фраз. Звуковое впечатление от и так чеканной фразы автору хочется усилить и зрительным восприятием. Он описывает качку:

„На перевале брали килевую качку. Волна крыла подветренный борт. Фенька до свету отплевывала без отверту воду. В жарком размере кувырчалось море.

БУ РЯ

РУ

БИЛА

УДАЛЫХ“

(„Дикое сердце“).

Ему мало в 3 строчках 10 „В“ (ва-ве-ве-во-вы), и мало 13 „Р“, в сочетаниях, дающих звуковое ощущение ревущей воды. Он слово „буря била удалых“ еще располагает разбросанно и раскидисто, этим путем пытаясь углубить и усилить впечатление. К этому старому приему он прибегает, может быть, чрезмерно часто, быть может, порою в ущерб легкости чтения, но сам по себе прием для Веселого характерен, как еще одна его попытка к уловлению в слове бега революции и ее целеустремительности.

3.

Если в „Реках огненных“ и „Вольнице“ Артем Веселый фиксирует кипение революции, ее разгул, то в „Диком сердце“ им делается первая попытка показать ее организованность, захватить в поле своего

творчества уголок жизни тех масс, которые революцию делали в тяжайших условиях повстанчества и которые выдвинули из своей среды незаметных, но подлинных героев.

Черноморье. Зеленый повстанческий отряд. „Одичали в горах. По году да больше живого человека не видят. Говорить разучились“. Но делают свое революционное дело, держат крепкую связь с подпольным городским комитетом и в любую минуту готовы выступить по его зову. А пока—„на башлыках снег ярусом. На прикладах мокрый снег застыл коркой. Прогрогшие, сильные голоса. На высоких гребнях мерзнут посты“.

Артем Веселый не был бы художником, если бы он не увидел и не отметил те отрицательные явления, которые должны породить лишения, голод и холод среди разношерстной повстанческой массы. Но он еще и художник-революционер и поэтому знает, что недовольство комиссаршей, требование спирта и пр.—все это—второе, мало-важное, преходящее, что в часы боя уйдет на задний план мелкое и случайное, что умеющие так страдать, так чувствовать и так любить сумеют победить.

„Слышим—опять каратель идет, в лес надо подаваться. И увяжись за мной Марька. Никак ни хотит дома оставаться. И упрашивал ее. И умалывал.—Не останусь, да не останусь. У нас меж собою уговор был—штоб бабой в отряде и не пахло. Чево тут делать? С версту от станицы умотали.....

Вернись, скаженнал!

Смертынька моя... Убей, не вернусь.

Заморозил я сердце. Сдернул карабин с плеча.

Трах... И ускакал товарищей догонять“...

Вот кого увидел среди партизан Веселый, и хотя эта исключительная фигура в самом повествовании не играет руководящей роли, но она и все те, о которых Веселый только упоминает вскользь, именно они являются истинными героями. И совершенно понятно, что только среди такой высокой сознательности и такого понимания революционного долга может родиться и расцвести та любовь между молодым Илько и комиссаршей Фенькой, которой собственно посвящен рассказ.

Да, любви. Старой, извечной, неизменной любви. Но как мало о ней слов говорит Веселый. „Черное пламя пляшет в глазах Илько“. „Гудят пятки Илько. Фенька легко поспевает за ним... И глаза ее веселее солнечных лесных полян“. Но разве можно на этом долго останавливаться, когда „город в лихорадке“, а из тюрьмы опять письмо: „спасите, помогите?“ Комитет приказывает сделать нападение на тюрьму—освободить товарищей. Забыто личное. Главное—дело. И на „деле“ „завалилась Фенька“. А через день—два „порубленного, избитого Илько за руки тащат по тюремному коридору“, из которого он попадает в одну камеру с любимой Фенькой.

В камере допрос. Офицер требует „пустяков“: пару-другую адресов. Молчит Илько. Бьют. „Отхаркивает сукровицу“, но молчит.

„Офицер, как на шарнире, повернулся к солдатам.

Сыромятников, начиннай.

Сыромятников торопливо крестится, лезет на Феньку. Илько зажмурился. Защекотало в носу. Сподыма бьет дрожь. Белеют Фенькины ноги, теплые, как весенние березки. Тошнехонько. Мутно. Партизанская кровь митингует в Илько. Закружилось, завертелось все в глазах.

Стой. Ваше благородие. Стойте!

Не смей“

Офицер тут:

Ну?

Ваше я—я...

Молчи...

Не сберет Илько мыслей, как пьяные вожжи. Шатается Илько. Видит вдруг:

обняла Фенька стражника Сыромятникова за шею. Крепко накрепко.

А другой рукой за зеленый шнур, за кобур, за наган, и

Ба-х...

Первую пулю в него, в Илько".

Просто рассказывает об этой любви Веселый. „Дикое сердце“ Илько, не выдержавшее страшного испытания и вот-вот готовое на измену, он не осуждает. „Загнулся наш Илько. Сердце у него подтаяло“—объясняет впоследствии Фенька освобожденным товарищам и „вскидывает сползавший с плеч карабин“.

Таковы люди революции. Такова их любовь. И такова жизнь. Вчера—были и Митьки Граммофоны, и Васьки Галаганы. Сегодня—держат в своих руках карабины комиссарши Феньки, и возрождает флот комса. А завтра...

„ПОЕЗД МЧИТСЯ

ОГОНЬКИ

ДАЛЬНЯЯ ДОРОГА“.—

Так кончает один из своих рассказов Артем Веселый.

4.

О писателе, чей творческий путь только намечается, о молодом авторе, давшем нам пока только несколько считанных произведений, говорить языком итогов слишком, разумеется, преждевременно. Еще не пришел час определять в скупой и упругой формуле его индивидуальный писательский лик. Еще не пора и устанавливать литературные истоки его мастерства, восходящие то к Блоку („Двенадцать“), то к Белому, то к Маяковскому. Дарование Веселого только еще разворачивается. Мастер—Веселый весь в будущем. Его родила революция, его выдвинула комсомолия, его воспитывает пролетариат. В этом залог роста и расцвета богатого дарования и недюжинного таланта нового революционного бытописателя.